

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
БАБУШКА ЯГА	8
НЕВИДЯЩИЕ ОЧИ	65
ПТИЦА ПЕВЧАЯ	100
ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС	148
ВОРОБЬИНЫЕ НОЧИ	227

ПРОЛОГ

— Мы заблудились!
— Мала хныкала и упиралась, не желая идти дальше. Едва Вадим выпустил её руку, перестав тащить за собой, как она присела на корточки и тоненько завывала. Вадим недовольно цыкнул — им обоим было по двенадцать, но он уже считался мужчиной, молодым баринном, а Мала всё ещё вела себя как ребёнок. Такая себе невеста на выданье!

Они уж несколько часов пробирались через лес. Сначала шли по тропинке, но затем Вадим свернул за лакомством, что заметил на ветке осины, и потащил Малу за собой в чащобу. Шли долго, ноги стёрли, да солнце уже скрылось за деревьями, а заветная цель так и не показалась. Вадим сорвал с ближайшей ветви очередной румяный, словно только-только испечённый блин и протянул его Мале. Угощение, конечно, уже остыло, но было вполне съедобным.

— На! Подкрепись. Немного осталось.

— Ты ещё засветло это говорил! — вспылила Мала с обиженным видом, но лакомство приняла.

— В сказках волшебство всегда затемно показывается.

— Так то в сказках! И даже там к ночи ещё и нечисть вылезает.

— Нечисть света не боится. Да и сама знаешь, нечего ей делать здесь! Бабушка этот лес оберегает, а коль совсем заблудимся, она на выручку придёт.

— Так мы уже заблудились!

— Тихо!

Вадим оборвал её причитания, вскинул руку, прислушался. Мала тоже затихла, даже носом шмыгать перестала. Только глаза распахнула во всю ширь да побелела. Но лишь сова ухала вдали да чьи-то тёмные крылья прошелестели над головой. У Малы сердечко готово было разорваться от страха, а вот Вадим остался спокоен. Он лишь хотел отвлечь девочку, и у него это получилось. Бросив ей покровительственно: «Идём», он смело зашагал вперёд, всё дальше углубляясь в тёмный лес.

Первое время они ещё шли по пути, который указывали развешанные на ветках блины. Но к ночи сгустился туман, и Блинная тропка затерялась в нём. Когда не смогли найти поблизости ни одного угощения, тогда уж и Вадим признал, что они заблудились.

— Давай повернём назад, а? — взмолилась Мала.

— Ты трусишь, ты и иди, — отрезал Вадим, оставаясь непреклонным.

— Куда ж я одна-то пойду?

И тут в глубине леса среди пелены тумана зажёгся свет. Ребята остановились, Мала испуганно ойкнула и попяtilась, но Вадим поймал её за руку и сжал её ладошку в своей.

— Давай не пойдём туда!

— Идём. — И он решительно потянул её за собой.

Свет вывел их к кромке леса, и сквозь деревья проступила опушка. В центре неё росли два высоченных широких дуба, на которых, как на опорах, стояла избушка. Тёплый свет лился из маленьких окошек, а дорожку к ней освещали огоньки. Густой туман окутывал врытые в землю факелы, скрывал их очертания, и горящее в них пламя казалось невесомым, словно застывшим в воздухе. На губах Вадима заиграла улыбка. Теперь уж и Мала сама шла за ним, замороженная дивным зрелищем. Когда они подошли к избушке и встали меж дубов, сверху, над их головами, открылся лаз, и рыжий свет полился из него. Они и охнуть не успели, как оттуда же спустилась к ним деревянная лестница, как бы приглашая подняться и погреться у тёплого очага. Только теперь Мала ощутила, что продрогла в сыром тумане.

Дети переглянулись. Вадим пожал плечами и смело поставил ногу на ступеньку. Лестница скрипела под ними, но ощущалась надёжной и крепкой.

А внутри дома их окутали тепло, убаюкивающий запах трав и сладкий аромат горячих яств. Первым, что они увидели, был широкий деревянный стол, заставленный самыми разными блюдами, от многих из которых ещё шёл горячий пар. Там нашлось бы, казалось, всё: от лесных ягод в сахаре до блинов и пирогов и овощной похлёбки. И скрипучий, словно стволы деревьев, голос ласково молвил:

— Входите, дорогие детки. Будьте моими гостями.

БАБУШКА ЯГА

330 год Рассвета

На стол перед епархией упал набитый доверху кошель. Судя по звону, тот был полон монет, но облаченный в золотую парчу священник¹ лишь бегло взглянул на него и поднял глаза на гостя. Крупный в плечах и ещё более крупный в боках мужчина, уже давно начавший не только лысеть, но и седеть, смотрел на него с укором. Поджав крупные губы, он держал руки на животе, заткнув за пояс большие пальцы. Епархий открыл было рот, чтобы обратиться к нему, но гость начал первым:

— Ваши Охотники ни на что не годны! Они трижды прочёсывали лес и ничего не нашли, заявили, чтобы я ещё раз проверил дома! Но я-то знаю, что он там, знаю, куда он ушёл. Я хочу нанять Скитальца.

¹ Священники — служители Единой Церкви, что исповедует веру в Единого Бога. Поскольку считается, что небесное солнце — это лик Единого Бога, что следит за людьми и их деяниями, правильное написание именно «свещенники», как производное от «освещённые» или «свет».

Матвей Недолюбов — а именно так звали этого мужчину — служил наместником Теменьского уезда. К епархию, что представлял Единую Церковь в их краях, он приходил не впервой и не впервой требовал помощи. Снова и снова повторялся у них этот диалог, едва ли не дословно:

— Я уже отправил письма, — устало ответил епархий, — во все близлежащие и самые удалённые города и поселения — повсюду, где есть наши церкви. Как только его найдут, то передадут вашу просьбу и направят к нам. Я не приму деньги за его найм, пока он не явится.

— Я не за то пытаюсь вам заплатить. А за то, чтобы вы действовали быстрее! Прошла уже неделя, и если с Вадюшей что-то случится...

В дверь постучали. Епархий бросил: «Войдите», и на пороге появился тот, кого они только что обсуждали, — мужчина, облачённый в короткий кожаный плащ и скрывающий лицо за чёрной маской. Все его одежды были тёмными: от высоких походных сапог до широкого пояса с множеством небольших сумок да потёртой шляпы с загнутыми и подшитыми к тулье полями. Но безошибочно узнавали его в любом краю не только по чёрному одеянию, но и по железу, коим увесил он всё тело. Плоские тонкие пластины были нашиты на сапоги, штаны, воротник и даже кожаную куртку, которую он носил под плащом, а на поясе покоился короткий меч в ножнах. Тканевая маска закрывала половину его лица и шею, оставляя видимыми только серо-голубые глаза и русые волосы, собранные в низкий хвост, так что определить точный возраст

человека, которого в народе прозвали Скитальцем, не представлялось возможным. Да и человек ли он был? Уверенно сказать никто не мог, но любой ребёнок слышал сказку о том, что Скиталец стал собой в День Чёрного Солнца, а минуло с того дня уже три столетия.

Крупная хищная птица, что сидела на его плече, привлекла к себе внимание, щёлкнув острым клювом. Она вертела головой, поворачивая жёлтый глаз то к одному, то к другому человеку в комнате, и оттого казалось, она пристально следит за каждым их движением.

— Вы хотели меня видеть? — вежливо и даже скромно обратился Скиталец к епархию, окинув беглым взглядом оцепеневшего от его вида Матвея.

— Да, Морен, проходи. — Епархий указал на свободный табурет, который его предыдущий гость так и не занял. — Ты как раз вовремя. Для тебя есть работа.

— И я готов заплатить много, — пробурчал Матвей, вжимая голову в плечи и с опаской поглядывая на того, кого требовал к себе ещё совсем недавно.

Морен закрыл за собой дверь и занял отведённое ему место. Двигался он тихо, ступал мягко, так что не было слышно и шороха от его шагов, что казалось почти невозможным при таком количестве железа на одежде. Матвей же с опаской поглядывал на птицу. Крупная, больше петуха, с рябым коричнево-чёрным оперением, она сжимала плечо хозяина мощными когтями, и казалось чудом, что эти самые когти не разрезают кожу плаща и человеческую плоть под ней.

— Что это за птица? — хмуро спросил наместник, не считая нужным церемониться.

— Здесь такие не водятся, — вкрадчиво ответил Скиталец и перевёл взгляд на епархия: — Что от меня нужно?

— В нашем уезде пропадают дети, — начал было священник, но Матвей перебил его:

— Не во всём уезде, а конкретно в Яжской волости. В уезде как раз таки всё в порядке. Но есть у нас один лес и деревня рядом с ним, вот туда и оттуда они как раз и пропадают. Раньше пропадали... — добавил он неохотно, дёрнув плечом. — Сейчас уже и в близлежащих деревнях пропадать начали.

— Детей воруют? — уточнил Морен.

Матвей покачал головой.

— Нет. Сами уходят. Или же их родители отправляют за лучшей жизнью.

— Что вы имеете в виду?

— Поверье у них есть, у местных. Будто бы в том лесу живёт Бабушка Яга — божество, хозяйка леса, хранительница мира мёртвых. Кого в деревне ни спроси, все о ней знают. Мол, провожает она души в мир иной и не даёт им вредить живым. — Матвей поморщился и добавил: — Деревенские байки.

— При чём же здесь дети?

— Да при том, что когда-то давно, ещё в Сумеречные лета, детей отправляли в этот лес. Считалось, что милосерднее отдать их Яге в услужение, чем позволить им с голоду помирать. Дети, естественно, не возвращались: кого волки задрали, кого нечисть, а кто просто заблудился. Если зима была, так их смерть на холоде

ждала, оно и понятно. Но что отцу да матери оставалось? У них ещё семеро таких по лавкам, а так на один рот меньше кормить. Считалось, что таких несчастных Яга приглашала к себе, сажала за стол, кормила досыта... а потом отправляла дальше, в загробный мир. Вот такими сказками родители себя утешали.

Я в Ягу даже маленький не шибко-то верил, да случилась одна история... Девчонка Василиса, из тамошних, деревенских, ушла в лес и заблудилась. Родители её уж и похоронили, а она, глянь, из лесу выходит! Живая, здоровая, в мехах и в золоте. Должно быть, в лесу какой-нить всадник околел, да она его пожитки прибрала, но всем сказала, что её Бабушка Яга одарила. За чистое сердце! — с издёвкой протянул Матвей и поморщился. — Вот с тех пор некоторые верят, что если ребёнка — доброго сердцем — отправить в лес, то он не только живым вернётся, да ещё и с дарами. Обеспечит себе и родителям безбедную жизнь. Надо ли говорить, как много их возвращается? Кто поумней, глядя на соседей, потерявших так дитё, своих в лес не пускает. Но бывает, дети и сами уходят. Наслушаются сказок и идут в лес, чтоб себя проверить, да и другим доказать, что они, мол, достойны!

— Как ваш сын, верно?

Лицо Матвея исказила мука. Плечи его обмякли, тело словно лишилось опоры. От грозного вида, что он напускал на себя, не осталось и следа.

— Откуда вы знаете? — спросил он у Скитальца.

— Как я понял, дети пропадают уже много лет, но лишь сейчас вы обратились в Церковь и ко мне. Чего же вы ждали?

— Я же ясно сказал, — процедил наместник сквозь зубы. — Я в эти сказки не верю. Всё это совпадения, чушь!

— Будь это так, вы не рассказали бы мне о Яге, а попросили бы прочесать лес. Но вы знаете, в нём что-то есть: кто-то или что-то, кто подпитывает эти предания, раз они до сих пор не канули в летá. И своим бездействием вы тому поспособствовали.

Глаза Морена горели укором. Птица подняла крылья и произнесла голосом Матвея, повторяя один в один его интонацию:

— С Вадюшей что-то случится!

Наместник побледнел, отпрянул, точно от пощёчины, но затем лицо его побагровело. Поджав губы, он проревел дрожащим от гнева голосом:

— Я к местным со своим уставом не лезу! И вам не советую. Дед мой ещё сопляком был, когда ему бабки сказки про Ягу рассказывали. Им до вашей веры нет никакого дела!

Матвей сплюнул себе под ноги, поставив смачную точку. Этого епархий уже не стерпел:

— Попрошу заметить, что это и ваша вера тоже!

— Прошу прощения, — выдавил из себя Матвей и вновь обернулся к Скитальцу. — Что же вы теперь, заявитесь к ним в село и начнёте петь о покаянии, Едином Боге и наказании за грехи?! Думаете, Единый Бог вернёт моего Вадюшу?!

— Я не верю в богов, — спокойно ответил Морен. — Их придумывают люди. Так что, скорее всего, в ваших краях живёт проклятый, которого местные принимают за божество. Этого проклятого я и должен найти.

— Бабушку Ягу-то? — Матвей выглядел разочарованным. — Лучше найдите моего сына.

— Я не занимаюсь поиском людей, я убиваю проклятых. Но если ваш сын ещё жив и ушёл к Яге... Я его найду.

Их разговор состоялся в полдень, и уже на исходе дня Морен прибыл в Закутьи — поселение на окраине Последнего леса, того самого, о котором говорил Матвей. Ряды тёмных сосен и величественных дубов тянулись до самого горизонта, не оставляя сомнений, что их не обойти и за месяц, не то что за неделю. Обычно на окраине таких лесов размещалось до десятка, а то и сотни поселений, но Матвей заверил его: Закутьи — единственная деревня у Последнего леса, ведь потому его и прозвали так, что за ним не было уже ничего.

Морен не особо в это верил, но и спорить не стал.

Закутьи представляли собой два-три десятка дворов, окружённых забором и заточенным частоколом. Последний призван был защищать от хищных зверей и нечисти — проклятых, — что могли прийти из полей и леса. Над распахнутыми воротами высилась арка, на которой когда-то вывели белой краской название поселения. Оно и сейчас угадывалось, да только дерево давно рассохлось и потрескалось, а расписные буквы выцвели. Такой же старой, ветхой и всеми забытой выглядела и сама деревня. Усевшие и неизменно серые, будто бы потемневшие от времени дома. Хотя так могло лишь казаться из-за сизого полотна облаков, что затянули небо и закрыли солнце. Но и без того бросалось в глаза, что многие жилища нуждались в починке, а другие и вовсе почти развалились. Пустые, будто брошенные

постройки, однако чувствовалось: даже из них кто-то наблюдал за ним.

Сказания о Скитальце — то ли человеку, то ли чудовище, убивавшем проклятых, — передавались из уст в уста по всей Радее. Кто-то в них верил, кто-то встречал его лично, а кто-то считал, что истории о нём лишь сказки, которыми на ночь пугают детей. Но, так или иначе, сложно было найти уголок, в котором не слышали бы о всаднике в тёмных одеждах, что скрывал лицо за чёрной маской. Закутья не стали приятным исключением. Едва завидев его, люди попрятались по домам. Одни запирали ворота, когда он проезжал мимо, другие захлопывали перед ним двери и ставни, но затем тушили лучины и с любопытством выглядывали из окон. Кто посмелее — не бросал свои дела, но неизменно отводил взгляд, будто считал, что если не смотреть на Скитальца, то и он его не заметит. Морен уже давно привык к подобному, но именно в Закутьях старики и женщины, мужчины и старухи — каждый, кто попался ему на глаза, — привлекали его пристальное внимание. Ведь поношенные, висевшие мешками на худых плечах одежды говорили о нищете и голоде.

Дороги в Закутьях не наблюдалось (если не считать той грязи, что месили копыта его гнедой кобылы), но сразу от ворот открывалось свободное пространство, этакая площадь, и именно в её изголовье расположился дом старосты. Как сказал Матвей, его легко узнать по ярко-красному флюгеру в форме петуха.

Может, когда-то давно тот и был красным, но сейчас его цвет напоминал скорее недозревшее алое яблоко или вываренную морковь. Староста оказался мужчиной

